

А.В. Тихонова. «Надлежаще смотреть...». Надзор за иностранцами в Российской империи (1801–1861). Смоленск: СмолГУ; Свиток, 2013. 256 с.

На всех переломных этапах российской истории высшая власть стремилась реформировать экономику государства. При этом политические новшества, особенно в период существования крепостного права, значительно отставали от экономических новаций. Определяющим в политике власти было желание модернизировать производство, чтобы на равных конкурировать с ведущими западными державами (в XIX в. – Англией и Францией, в XX–XXI вв. – США), но при этом не утратить собственных позиций, избежать революционных потрясений в стране.

Модернизация не могла быть проведена без приглашения в Россию иностранных специалистов. Но поскольку условия развития ведущих стран Западной Европы (конституционные монархии и буржуазные отношения) и России (самодержавие и крепостничество) в первой половине XIX в. были разными, российские власти чаще всего воспринимали иностранцев как «необходимое зло». Этим принципом и определялось направление государственной политики эпохи Александра I и Николая I по отношению к приезжающим в страну специалистам или путешественникам.

Естественно, что на протяжении столь длительного периода правящие круги России вносили коррективы в миграционную политику, руководствуясь пониманием необходимости внутренних реформ или откликаясь на какие-либо международные события. В итоге был накоплен значительный (позитивный и негативный) опыт государственного регулирования правил пребывания иностранцев на территории империи. Изучая его, можно получить важные сведения не только об условиях политического, экономического и культурного развития России в первой половине XIX в., но и увидеть со стороны, глазами иностранцев, жизнь страны во многих её проявлениях. Кроме того, история контактов россиян и подданных разных стран Западной Европы даёт учёному богатейший материал для изучения повседневной жизни, психологии, мен-

тальности тех и других, а также особенностей их взаимовосприятия.

Именно этой теме посвящена монография кандидата исторических наук, доцента Смоленского государственного университета А.В. Тихоновой. Целью её труда является изучение особенностей надзора за иностранцами в России с начала XIX в. до эпохи Великих реформ Александра II. Автор анализирует деятельность российских властей высшего (император, центральные министерства и ведомства, III отделение собственной его Императорского Величества канцелярии) и регионального уровня (преимущественно на примере Смоленской губ.). Такой подход позволяет изучить особенности функционирования всей вертикали государственной власти, от монарха до уездного исправника. В книге рассмотрены проблемы надзора не только за иностранцами, приезжавшими в Россию добровольно, но и за военнопленными и членами их семей, оказавшимися на территории империи в периоды масштабных военных конфликтов, таких как Отечественная война 1812 года или Крымская война 1853–1856 гг.

Заявленная цель предопределила следующие направления исследования: 1) условия въезда иностранцев в Россию с начала XIX в. до Отечественной войны; 2) изменения государственной политики в отношении иностранцев в связи с началом военной кампании 1812 г.; 3) реакция российских властей на факты сотрудничества иностранцев с оккупантами; 4) отношение российских органов управления всех уровней к военнопленным Великой армии Наполеона и членам их семей; 5) совершенствование паспортного режима; 6) взаимодействие III отделения, министерств, местных властей в организации и осуществлении контроля над иностранцами до середины 1840-х гг. и в последующее время; 7) правительственные меры и их реализация в отношении пленных в ходе Крымской войны; 8) изменения условий въезда иностранцев в Россию и новые нормативно-правовые акты, принятые в преддверии реформ Александра II (с. 19–20).

Поставленные автором задачи были реализованы на основе анализа значительного комплекса источников и научной литературы. А.В. Тихонова изучила опубликованные материалы и архивные документы, хранящиеся в 21 фонде ряда федеральных и региональных архивов (Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива, Архива внешней политики Российской империи, Центра хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива г. Москвы, Государственного архива Смоленской области и его филиала в г. Вязьме, Государственного архива Орловской области) (с. 219–221). Обзор современной русской и иностранной (английской и швейцарской) литературы по теме «Иностранцы в России» (с. 6–16) убеждает в том, что «вопросы надзора за иностранными подданными до сих пор относятся к малоизученным» (с. 16).

В основной части монографии автор аргументированно отвечает на поставленные во введении вопросы. В первой главе «Контроль над иностранными подданными гражданских профессий (1801–1826)» (с. 22–63) изучены условия въезда иностранцев в Россию до 1812 г., выявлены причины ужесточения надзора за ними с началом Отечественной войны и приведены сведения о так называемом «разборе иностранцев» (выяснении мест их проживания, занятий и «нравственности», т.е. лояльности властям) в столицах и на местах, рассказано о деятельности следственных комиссий об иностранцах, добровольно или вынужденно служивших в оккупационной администрации, дана информация о применении паспортного режима к иностранцам до 1826 г.

Во второй главе «Действия российских властей в отношении военнопленных и членов их семей после Отечественной войны 1812 года» (с. 64–114) автор рассматривает отношение представителей властей разного уровня и местного населения к военнопленным Великой армии Наполеона. «Оценивая российскую политику в отношении военнопленных, – пишет А.В. Тихонова, – следует подчеркнуть её определённую гуманность, направленную на сохранение жизни и здоровья пленных.

В реальности же местным властям по многим причинам это удавалось с трудом из-за значительного количества пленных. Большие материальные издержки, связанные с пребыванием военнопленных на территории конкретных губерний, являлись тяжёлым бременем для бюджета, а губернаторам приходилось решать множество каждодневных вопросов, связанных с обеспечением помещением, продовольствием, одеждой, обувью, конвоированием, улаживанием конфликтов между местным населением и пленными и внутри самого сообщества военнопленных» (с. 99). Отдельный параграф посвящён судьбам, чаще всего трагическим, женщин и детей из числа попавших в плен в 1812 г. иностранцев. Автор отмечает: «Если положение военнопленных в Российской империи нашло отражение в разработанной законодательной базе, то каждый конкретный случай, связанный с пленными женщинами и детьми, рассматривался особо. Верховная власть в лице государя и члены императорской семьи были настроены гуманно. Тем не менее, на местах разбирательства “тонули” в бюрократической волоките... Подлинный гуманизм чаще проявляли не власти, а обычные россияне, которые помогали обездоленным, вне зависимости от их национальности и социального статуса» (с. 113–114).

В этой главе читатель найдёт интересные факты, которые ранее не были известны исследователям, или отходили на второй план в работах об Отечественной войне 1812 года. «Непосредственно перед началом и в первые дни войны российским военным и гражданским чиновникам уже пришлось заниматься перебежчиками и дезертирами из Великой армии». Ещё до начала войны (4 июня 1812 г.) виленский гражданский губернатор выдал билет на проезд в Смоленск «валтижёру войск французских» дезертиру Масле. Дезертирство из рядов Великой армии в начале войны не было массовым явлением, русские документы насчитывают всего 44 перебежчика, но всё же это добавляет яркую краску в рассказ о вторжении Наполеона в Россию (с. 64–65). Следует сказать также о том, что в декабре 1812 г. секретный Комитет финансов предлагал императору использовать квалифицированных мастеров

из числа военнопленных на российских фабриках и заводах с оплатой труда, равной той, что получали русские мастера. Пленные из числа крестьян могли бы, по мнению членов Комитета, получить участки земли для поселения (с их согласия) в Саратовской и Екатеринославской губерниях. Других пленных рекомендовалось привлечь к восстановлению разрушенных войной городов. А.В. Тихонова пишет: «Решения Комитета диктовались желанием сгладить проблемы с обеспечением военнопленных самым необходимым и сократить казённые расходы на их содержание» (с. 79). Признавая справедливость этого утверждения, отмечу, что, на мой взгляд, здесь проявилось также стремление российского правительства использовать труд иностранцев для модернизации отечественной экономики. Конечно, мало кто из этих невольных гостей России захотел остаться в стране после окончания наполеоновских войн. Большинство предпочли вернуться на родину. В связи с этим, по словам автора, опиравшегося в своих выводах на работы петербургского историка Б.П. Миловидова¹, «попытки задействовать военнопленных на строительстве и в сфере производства в целом оказались малоэффективными» (с. 99). Мне представляется, что вопрос оценки степени влияния мастеров из числа военнопленных на развитие русской промышленности остаётся ещё не до конца исследованным.

В третьей главе «Надзор за иностранцами (1826–1861)» (с. 115–215) прослежены изменения в политике и практике надзора за иностранными подданными с середины 1820-х до середины 1840-х гг.; изучен процесс осуществления контроля над ними во второй половине 1840-х – начале 1850-х гг.; дана оценка действиям центральных и местных властей в отношении пленных (англичан, французов, сардинцев и турок) в период Крымской войны; проанализированы новые правила въезда и особенности пребывания иностранцев в России в период реформ 1860–1870-х гг. Исследовательница установила, что политика в отношении иностранцев смягчалась в те периоды, когда властям необходимо было решать насущные проблемы модернизации стра-

ны. Если же Западную Европу сотрясали народные волнения или революции, Россия отвечала на это ужесточением миграционного режима. Политика в отношении допуска в страну иностранцев была значительно смягчена после прихода к власти Александра II, вынашивавшего планы кардинальных буржуазно-либеральных реформ (с. 206). Но, «несмотря на появление либеральных тенденций в российском законодательстве относительно пребывания иностранных подданных в стране, III отделение действовало прежними методами, опираясь в проведении негласного надзора на агентуру, а гласного – на жандармских чиновников и местную полицию» (с. 215).

На мой взгляд, читателям будет особенно интересен материал о надзоре за иностранными учителями (с. 143–152, 180–185, 188–190, 206) и врачами (с. 153–155, 190–191). Поскольку они по долгу профессии были обязаны отвечать за нравственное и физическое здоровье своих подопечных, государство старалось держать их под постоянным бдительным контролем. В этой главе впервые на материалах Смоленской губ. освещены вопросы пребывания в империи иностранных офицеров и солдат, взятых в плен во время Крымской войны (с. 191–205).

Подводя итоги своего исследования, автор обращает внимание на то, что в изученный ею период «государственная политика в отношении иностранцев была направлена то на стимулирование, то на сдерживание миграционного потока из-за рубежа. Российское правительство всё время находилось перед дилеммой: иностранцы – это вред или польза? Решение было гибким в зависимости от ситуации: международной обстановки, потребностей страны в специалистах» (с. 216). В то же время, отвечая на вопрос о действенности правительственного контроля за иностранцами, А.В. Тихонова пишет: «Несмотря на, казалось бы, жёсткое выстроенную вертикаль власти, указания III отделения и министерств, транслировавших волю государя, и даже повеления его самого и членов правящей династии исполнялись несвоевременно, иногда в течение нескольких лет (из-за чиновничьей волокиты на губернском и уездном уровнях). К тому

же учёт всех иностранцев, проживавших в губерниях, далеко не всегда осуществлялся с «надлежащим усердием» (с. 217–218). Экономическая заинтересованность государства в привлечении иностранных специалистов стала главной причиной изменения миграционного законодательства в середине 1850-х гг. «Иностранцам, занимавшимся торговлей, земледелием и промышленностью, были дарованы равные права с русскими подданными. Приток мигрантов поставил перед надзорными органами империи новые задачи». В целом же, по мнению автора монографии, в 1801–1861 гг. «центральные и местные органы власти... проводили целенаправленную политику в отношении иностранцев, считая приоритетными национальные интересы России» (с. 218).

А.В. Тихонова постаралась охватить в своей работе большое количество проблем. Неудивительно, что некоторые принципиально важные вопросы при этом были обозначены тезисно или даже упомянуты вскользь. Например, говоря о Крымской войне, автор пишет, что она привела к гибели Венской системы международных отношений, сложившейся после наполеоновских войн (с. 202). Между тем, это дискуссионный вопрос. Одни историки придерживаются данной точки зрения. В англо-американской историографии с 1960-х гг. существует термин «Крымская система», обозначающий сложившуюся в 1856 г. новую расстановку сил в Европе². Но существует другая точка зрения, которую разделяю и я. Она заключается в следующем: Крымская война была локальной и велась на периферии Европы. Англия и Франция приняли участие в этом конфликте, потому что желали ослабить военно-экономический потенциал николаевской России и защитить от неё слабеющую Турцию, связанную по рукам и ногам режимом «капитуляций». Однако Россия была ослаблена только временно, она не перестала быть великой державой. Баланс сил в Европе не был серьёзно изменён. Венская система продолжала существовать вплоть до начала Первой мировой войны³.

В первой главе своей работы А.В. Тихонова упоминает высылку в 1825 г. греков («азиатских христиан») с территории России в Османскую империю. Она объ-

ясняет это тем, что, «не желая военного конфликта с Турцией, правительство пыталось сдержать российские общественные настроения в пользу греков, поднявших в 1821 году антитурецкое восстание» (с. 61). Объяснение выглядит несколько странно, поскольку все читатели, мало-мальски знакомые с историей России XVIII–XIX вв., знают, что греки всегда были союзниками русских монархов в их борьбе с турками, надеясь на восстановление независимости своей родины. Здесь, как мне кажется, надо было сказать о том, что Александр I после окончания наполеоновских войн действовал в духе доктрины легитимизма (защиты существующих монархических режимов, в том числе и власти турецкого султана, от внутренних революций при условии соблюдения правящим монархом дарованных подданным законов). Он считал, что такая политика предотвратит в будущем катастрофические перевороты, подобные Французской революции 1789 г. Ради достижения этой великой цели император отказался от политики Екатерины II в отношении поддержки борьбы греков против султана, полностью отдав их во власть турок. Это решение сильно подорвало авторитет императора внутри страны.

В монографии проявляется стремление А.В. Тихоновой изучать, прежде всего, судьбы швейцарцев в России, хотя название книги настраивает читателя на то, что речь в ней пойдёт об иностранцах вообще. Но это объясняется давним и плодотворным интересом автора к теме российско-швейцарских связей⁴.

Наконец, скажу о том, что из-за путаницы в архивных документах (фамилии некоторых персонажей даются в разном написании, по-разному указывается их подданство)⁵ читателю не всегда понятно, о ком именно идёт речь. Например, в тексте несколько раз упоминаются польские сыровары Иван Массин и Бернард Массин, работавшие в Вяземском и Сычёвском уездах Смоленской губ. На с. 176 говорится об итальянских сыроварах Иване и Бернарде Массимо. Автор делает вывод: «так как в фамилиях, а иногда и в подданстве (в русских документах. – А.О.) допускались ошибки, можно предположить, что это те же иностранцы – люблинский

уроженец Иван Массин и поляк Бернард Массин». А на с. 179–180 снова появляется итальянский (сардинский) сыровар Иван Массимо, который в 1851 г. принял российское подданство. Кратко рассказано о его жизни в России уже без всякого упоминания о польском однофамильце.

Несмотря на высказанные замечания, монография А.В. Тихоновой является новым ценным вкладом в изучение проблем многообразных связей Российской империи со странами Западной Европы в первой половине XIX в. Думается, что это исследование может быть с успехом продолжено на материале других хронологических периодов.

А.А. Орлов

Примечания

¹ *Миловидов Б.П.* Использование военнопленных 1812 г. на работах: тенденции правительственной политики // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XVI Международной научной конференции, 6–7 сентября 2010 г. Можайск, 2011. С. 163–190.

² См., например: *Mosse W.E.* The Rise and Fall of the Crimean System 1855–1871. The Story of a Peace Settlement. L.; N.Y., 1963.

³ См., например: *Taylor A. J.P.* The Struggle for Mastery in Europe 1848–1918. Oxford, 1957. (Рус. пер.: *Тэйлор А.* Борьба за господство в Европе 1848–1918 гг. М., 1958).

⁴ *Тихонова А.В.* Швейцарские предприниматели и создание промышленного сыроварения в Смоленской губернии в XIX – начале XX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2008. М., 2009. С. 82–102; *она же.* Швейцарские учителя в России первой половины XIX в. // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 142–147; *она же.* Паспортный режим в Российской империи в отношении швейцарских граждан (первая половина XIX в.) // История государства и права. 2011. № 17. С. 39–43; *она же.* Эмиграция из Швейцарии в первой половине XIX в. // Новая и новейшая история. 2011. № 1. С. 203–209; *Козлов О.В., Тихонова А.В.* Швейцарские учителя и гувернёры в Смоленской губернии в первой половине XIX в. // Российская история. 2013. № 2. С. 127–133.

⁵ Бюрократическая ошибка могла надолго испортить человеку жизнь. Так произошло со шведом Иваном Рейсом, служившим в поместье гр. Н.П. Панина при его сыне «дядькой». В 1793 г., когда Рейс приехал в Россию, в паспорте его ошибочно назвали французом, посчитав Стокгольм французским городом. Несчастный швед пережил множество неприятностей во время русско-французских войн конца XVIII – начала XIX в. (с. 44).

А.П. Бородин. Пётр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус. М.: Алгоритм, 2013. 448 с.

В последние годы вслед за научными исследованиями и обобщающими работами по истории российского консерватизма всё чаще появляются монографии, в которых исследуются взгляды, государственная и политическая деятельность отдельных русских консерваторов, в том числе С.Н. Глинки, гр. А.Х. Бенкендорфа, гр. С.С. Уварова, К.П. Победоносцева, Л.А. Тихомирова, В.М. Пуришкевича, В.В. Шульгина и др.¹ Личность П.Н. Дурново – главы Министерства внутренних дел в дни революции 1905 г., а затем многолетнего лидера правой группы Государственного совета и автора «пророческой» («Записки», поданной Николаю II накануне Первой мировой войны –

давно заслуживала отдельной книги. Как и следовало ожидать, написал её доктор исторических наук А.П. Бородин, хорошо знакомый специалистам как автор обстоятельной монографии о Государственном совете Российской империи 1906–1917 гг. и, пожалуй, на сегодняшний день самой лучшей статьи о П.Н. Дурново, увидевшей свет 13 лет назад². Естественно, выход новой книги известного историка позволял надеяться на то, что историческая наука обогатится глубоким и насыщенным богатым фактическим материалом трудом.

Однако по прочтении монография А.П. Бородина оставляет двойственное впечатление. Название ей дано (возможно, не автором, а издательством³) явно не-